

© 2015 г.

О.В. ВОЛОСЮК

ИСПАНИЯ И РОССИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века: КОНФРОНТАЦИЯ, ДИАЛОГ ИЛИ АЛЬЯНС?

Вступление в 1833 г. на испанский престол королевы Изабеллы II спровоцировало международный кризис в Европе. Ее отец, Фердинанд VII (1813–1833 гг.), был женат четырежды, но лишь в последнем браке с неаполитанской принцессой Марией-Христиной у него родились две дочери. В пользу старшей из них, Изабеллы, Фердинанд в 1830 г. подписал Прагматическую санкцию, отменявшую закон Филиппа V от 1713 г., согласно которому престол наследовался членами династии по нисходящей непрерывной мужской линии. Младший брат короля, Карлос-Мария-Исидро, первый претендент на испанский престол, был крайне недоволен отменой этого закона. После смерти Фердинанда и объявления Марии-Христины регентшей при трехлетней королеве Изабелле дон Карлос начал войну за престол.

Европейским монархам он разослал письма с протестом против законности прав своей племянницы. Однако безоговорочно поддержали дону Карлоса только Сардиния и королевство Обеих Сицилий. Дания, Швеция, Турция и США сразу же признали новую королеву. Австрия, Пруссия и Россия заняли умеренную позицию: они согласились, чтобы регентшей стала Мария-Христина, но склонялись скорее к тому, что наследовать должен дон Карлос, а не Изабелла¹.

В 1836 г. под давлением Меттерниха “умеренные державы” активизировали действия по поддержке мятежного дону Карлоса: они не только отозвали из Испании своих послов, но и закрыли дипломатические представительства в Мадриде². В 1837 г. испанский претендент, которому нужны были деньги, направил в Россию с личным посланием Николаю I своего представителя – маркиза де Вильяфранка. Карлос считал, что лишь отсутствие достаточных средств не дает ему возможности добиться решающих успехов в войне. После того как вопрос был согласован с Веней, карлисты получили внушительную сумму в 9 млн франков, при этом Россия внесла 2,6 млн³. Однако разногласия в лагере карлистов и непрозрачное расходование ими полученных денег подпортили репутацию дону Карлоса в Петербурге, и Россия отказалась от поддержки “святого дела”. В июле 1839 г. маркиз де Вильяфранка покинул Россию⁴. В дипломатических отношениях между Россией и Испанией наступила длительная, почти 20-летняя пауза.

К 1840 г. карлистская война исчерпала себя, и сторонники Изабеллы решили, что настало время, чтобы вернуться к вопросу о признании испанской королевы европейскими державами.

Волосюк Ольга Виленовна – доктор исторических наук, профессор факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”.

¹ *Urquijo y Goitia J. R.* El carlismo y Rusia. – *Hispania*, v. XLVIII/169, 1988, p. 599–608.

² *Ibid.*, p. 609–610.

³ *Ibid.*, p. 611–620.

⁴ *Ibid.*, p. 620–623.

За годы войны выдвинулся ряд талантливых генералов. Один из них, Балдомеро Эспартеро в 1833–1840 гг. командовал правительственными войсками в Бискайе, был главнокомандующим Северной армии, в 1837 г. сумел отбить атаку карлистов, которые стояли у стен Мадрида. В августе 1839 г. он встретился с главнокомандующим карлистской армии генералом Рафаэлем Марото и договорился с ним об условиях мира. 31 августа оба генерала подписали Вергарский договор о мире, за что Эспартеро получил титул миротворца Испании.

Эспартеро приобрел огромную популярность. Поэтому, когда в парламенте партия прогрессистов, созданная в 1835 г., выступила против закона, ограничивающего права местного самоуправления, она обратилась за помощью к Эспартеро. В сентябре 1840 г. по всей Испании прокатилась волна народных выступлений. Мария-Христина бежала в Валенсию и оттуда предложила популярному генералу возглавить правительство, полагая, что только он сможет покончить с революцией. Однако ситуация в стране накалялась, и королева-регентша, опасаясь за свою жизнь, объявила о своем отречении от престола и 17 октября 1840 г. покинула Испанию. Регентом при Изабелле был назначен генерал Эспартеро⁵. Поскольку французский король Луи-Филипп Орлеанский приютил у себя Марию-Христину, Эспартеро стал активно сближаться с Англией. По рекомендации британского двора он в 1841 г. направил своих эмиссаров в Европу, но результатов его переговоры не имели⁶.

8 ноября 1843 г. кортесы объявили 13-летнюю Изабеллу совершеннолетней и предприняли еще одну попытку по восстановлению дипломатических отношений с Пруссией, Австрией и Россией. Младший брат Франсиско де Сеа Бермудеса, доверенного лица королевы Марии-Христины⁷, Сальвадор, “интриговал” по этому вопросу в Берлине, да так успешно, что прусский двор предложил себя в качестве посредника в переговорах с Петербургом и Венной. Но Меттерниха, одного из основных сторонников дона Карлоса, убедить оказалось сложнее. Он нашел было выход из положения, когда в 1844 г. встал вопрос о замужестве Изабеллы. Австрия и Пруссия поддержали кандидатуру сына дона Карлоса, графа Монтемолина, ставшего после отречения отца в 1845 г. карлистским претендентом на испанский престол, однако Англия и Франция решительно воспротивились этому⁸. В результате в 1846 г. Изабелла вышла замуж за своего кузена, сына младшего брата Фердинанда VII, Франсиско Ассизского, что окончательно расстроило проект Меттерниха и привело к провалу переговоров.

Тогда премьер-министр Испании Рамон-Мария де Нарваэс, осведомленный о контактах, которые испанские военные поддерживали со своими коллегами из стран северной Европы, поручил эту миссию активному стороннику Изабеллы А. Ремону Саркодель Валье – генерал-лейтенанту, военному инженеру, сенатору и известному ученому,

⁵ В июле 1843 г. Эспартеро был свергнут в результате военного мятежа, который возглавил генерал Рамон-Мария де Нарваэс. После этого до 1848 г. он проживал в эмиграции в Англии.

⁶ *Bécker J. Historia de las Relaciones Exteriores de España durante el siglo XIX: Apuntes para una Historia Diplomática*, t. 1–2. Madrid, 1924; t. 2, p. 14.

⁷ Франсиско де Сеа Бермудес, занимая пост посланника мадридского двора в Петербурге, сыграл решающую роль в подписании союзного договора с Россией в 1812 г. По возвращении из России он был назначен послом в Константинополе, а затем в Лондоне; в 1824–1825 гг. возглавлял испанское правительство. Его либеральная политика привела к тому, что Фердинанд VII удалил его от двора, отправив послом в Дрезден и в Лондон. Сеа вернулся в Мадрид только в 1832 г., когда Фердинанд был уже серьезно болен. Мария-Христина, взявшая бразды правления в свои руки, вновь назначила его государственным секретарем. Он находился у власти до января 1834 г., после отставки поселился в Париже, оставаясь доверенным лицом королевы-регентши.

⁸ Англия выдвигала кандидатом кузена королевы Виктории, принца Леопольда Саксен-Кобургского, а Франция – старшего сына Луи-Филиппа Орлеанского. Однако в результате взаимных уступок и компромиссов обе монархии договорились, что Изабелла выйдет замуж за одного из испанских Бурбонов, и сошлись на кандидатуре внука испанского короля Карла IV, сына брата Фердинанда VII. – *Майский И.М. Испания. 1808–1917. М., 1957, с. 228.*

основателю и первому президенту Королевской академии точных, физических и естественных наук (1847 г.), члену Академии истории.

Представитель испанского правительства отправился в путь в феврале 1848 г., как раз в тот момент, когда Европа “запылала”: началась революция во Франции, а в марте – в Пруссии и Австрии. Приход там к власти либеральных правительств давал надежду на потепление отношений с Испанией. В марте Сарко прибыл в Париж, откуда направил своему знакомому, генерал-адъютанту князю И.А. Долгорукову⁹ письмо, вместе с которым переслал ему карту Кубы. 3 мая он был уже в Берлине, где вручил прусскому королю грамоты чрезвычайного посланника, а 13 мая встретился с российским послом в Пруссии бароном П.К. Мейендорфом. Сарко рассчитывал, что Мейендорф, который в 1820-е годы служил секретарем российской миссии в Мадриде и с симпатией относился к Испании, поспособствует в том, чтобы склонить Николая I к признанию королевы Изабеллы. Однако на запросы Мейендорфа Петербург не давал никаких ответов, и посол стал избегать встреч с испанским эмиссаром¹⁰.

В Берлине Сарко получил письмо от Долгорукова. В ответе на него он уже предельно ясно выразил цели, с которыми хотел посетить Петербург. “Отношения между испанцами и русскими, базирующиеся на географическом положении двух стран, при общности наших интересов, подталкивают нас все больше к сближению и укреплению дружбы, которая предназначена нам судьбой”, – подчеркнул он¹¹.

Потерпев фиаско в Берлине, испанец отправился в Вену, рассчитывая, что после отставки Меттерниха, вызванной революцией, Австрия, а следом за ней и Россия станут более сговорчивыми. Российский посланник в Вене граф П.И. Медем передал ему ответ из Петербурга на его парижское письмо: Николай I готов был принять испанского представителя и изъявлял желание пойти на восстановление отношений, но только при согласии австрийского императора, “поскольку и географическое положение, и фамильные узы, которые связывают дворы Испании и Австрии, дают тому первостепенное право решать эти вопросы”¹².

В середине сентября 1848 г. посланник Изабеллы прибыл в Петербург. Его принял министр иностранных дел К.В. Нессельроде. Почти месяц испанский генерал пытался добиться официальной аудиенции у императора, но Николай отказал ему во встрече. Раздосадованный этой неудачей Сарко в середине октября докладывал в Мадрид, что российский император не желает никаких принципиальных изменений и повлиять на него никто не может¹³. Он просил паспорт, чтобы вернуться в Берлин. Нессельроде при последней встрече порекомендовал ему продолжать переговоры через посредничество Мейендорфа¹⁴.

⁹ В 16 лет юный князь Долгоруков поступил юнкером лейб-гвардии в Артиллерийскую бригаду, и вся его жизнь была связана с артиллерией. В 1825 г. он был произведен в полковники и назначен адъютантом к великому князю Михаилу Павловичу, с 1829 г. – исправляющим должность начальника штаба великого князя. В 1836 г. Долгорукову было поручено “иметь наблюдение” за артиллерийским училищем, а в 1844 г. он был произведен в генерал-лейтенанты. С 1844 г. он принимал деятельное участие в обсуждении технических вопросов, участвуя в разработке вопросов об улучшении штуцеров и ружей русской армии, в составлении правил для руководства по постройке новой артиллерии, по введению зажигательных ракет и прочего. Тогда он и познакомился с военным инженером Сарко.

¹⁰ *Urquijo y Goitia J. R. España y Rusia. De la ruptura al reconocimiento. Homenaje a D. Ignacio Valls. Valencia, 1990, p. 410 – 411.*

¹¹ *Corpus diplomático Hispano-Ruso (1800–1903), v. II. Madrid, 2005, p. 239. А.Р. Сарко дель Валье – И.А. Долгорукову, 18 июня 1848 г.*

¹² *Urquijo y Goitia J. R. España y Rusia..., p. 413.*

¹³ *Corpus diplomático Hispano-Ruso, p. 249–250. А.Р. Сарко дель Валье – государственному секретарю Педро-Хосе Пидалью Корниадо, 16 октября 1848 г. Неудача миссии Сарко была обусловлена и тем, что Долгоруков, который мог бы составить ему протекцию, скончался 7 октября 1848 г.*

¹⁴ *Urquijo y Goitia J. R. España y Rusia..., p. 417.*

Вскоре ситуация в Европе изменилась коренным образом. В 1853 г. началась Крымская война, и теперь России самой был необходим союз с Испанией, которая могла бы оттянуть на себя силы Франции, начавшей боевые действия против России. Однако Испании было уже не до урегулирования отношений с Россией. 28 июня 1854 г. в Мадриде началось выступление военных сил. Восставшие требовали ликвидации засилья королевской камарильи, установления приоритета законов, созыва Учредительных кортесов. Вскоре на улицы вышло население Мадрида и других крупнейших городов Испании. Изабелла II была вынуждена назначить главой правительства Б. Эспартеро. Испанская пресса все чаще и чаще обвиняла Николая I в поддержке карлистов, звучали требования о том, что Россия должна публично отказаться от их признания¹⁵.

Англия и Франция со своей стороны потребовали, чтобы Испания нарушила нейтралитет и выступила на их стороне. Министр иностранных дел Великобритании лорд Кларендон убеждал испанского посла в Лондоне в том, что Испания должна направить на восток 10 тыс. вооруженных солдат, а французский министр иностранных дел Э. Друэн де Люис обещал гарантировать ей африканские владения и возможный протекторат над островом Санто-Доминго, являвшимся “открытыми воротами” к Кубе. Союз не был подписан только из-за завышенных притязаний Испании: кроме гарантий ее американских владений и территорий в Африке, она потребовала признания себя в качестве великой державы. В результате в период Крымской войны Испания вынуждена была сохранять нейтралитет¹⁶.

Воцарение в 1855 г. Александра II и назначение 27 апреля 1856 г. министром иностранных дел князя А.М. Горчакова, занимавшего пост российского посла в Вене, означали поворот в российской внешней политике. Контакты между российскими и испанскими дипломатами активизировались. Из Франкфурта, Брюсселя и Копенгагена в Мадрид полетели депеши о переговорах с российскими представителями, а испанский посол во Франции С. де Олосага докладывал о беседах с графом А.Ф. Орловым, возглавлявшим в феврале – марте 1856 г. российскую делегацию на Парижском конгрессе, и с посланником Ф.И. Брунновым¹⁷. В феврале 1856 г. испанский посол Л. Лопес де ла Торре сообщал из Вены, что российские дипломаты характеризуют ситуацию как “ошибку императора Николая”¹⁸, а Горчаков перед своим отъездом из Вены летом 1856 г. заявил Лопесу: “Нам не важно, кто занимает трон. Каждый обустраивает свой дом так, как ему удобнее”¹⁹.

В отличие от своего отца Александр II не воспринимал “испанский вопрос” как личную проблему. Он не разрывал отношений с Испанией, события 20-летней давности его мало волновали, а посему Александр готов был отправить своего представителя в Мадрид. 2 августа 1856 г. Лопес писал из Вены, что его новый российский коллега А.Ф. Будберг настаивает на том, чтобы испанское “правительство не затягивало с восстановлением дипломатических отношений”²⁰.

Однако формальности следовало соблюсти. Поэтому премьер-министр Испании Хуан де Савала ответил Лопесу, что Изабелла настаивает на том, чтобы российский император сделал первый шаг, объявив ей о “своем восшествии на трон. После этого предварительного шага и ответа королевы, который последует немедленно, проблема будет снята сама собой”²¹. Активность испанского правительства объяснялась желанием освободиться от давления бонапартистской Франции.

¹⁵ Майский И.М. Указ. соч., с. 241 – 246.

¹⁶ Mariñas Otero L. España ante la guerra de Crimea. – Hispania, № 103, 1966, p. 410–446.

¹⁷ Corpus diplomático Hispano-Ruso, p. 280. С. де Олосага – государственному секретарю Х. де Савала, 1 июля 1856 г.

¹⁸ Urquijo y Goitia J. R. España y Rusia..., p. 420.

¹⁹ Corpus diplomático Hispano-Ruso, p. 275. Л. Лопес де ла Торре Айльон – государственному секретарю Хуану де Савале, 10 июня 1856 г.

²⁰ Urquijo y Goitia J. R. España y Rusia..., p. 422.

²¹ Corpus diplomático Hispano-Ruso, p. 281. Х. Савала – Л. Лопесу де ла Торре, 7 июля 1856 г.

24 октября 1856 г. в Мадрид с чрезвычайной миссией прибыл генерал-адъютант граф К.К. Бенкендорф. На аудиенции у Изабеллы II он вручил ей официальные письма российского императора с извещением о его вступлении на престол и желании возобновления дружеских отношений с испанским двором²². “Главный замысел маршала Нарваэса (премьер-министра Испании. – *О.В.*) – тесный союз с Россией, идея о котором весьма популярна в Испании, – сообщил Бенкендорф Александру II. – Вновь установленные отношения с императорским правительством дают Испании надежду на преодоление влияния, до сих пор являвшегося всеобъемлющим”²³. Речь шла об ослаблении Франции, чего после Крымской войны настойчиво добивалась Россия.

В ответ на признание законных прав Изабеллы в Петербург был направлен чрезвычайный представитель – один из наиболее знатных испанских вельмож, герцог М.-Ф. де Осуна, который 2 декабря 1856 г. вручил Александру II ответное послание испанской королевы. С назначением в декабре 1856 г. посланником в Испанию князя М.А. Голицына завершился 20-летний период дипломатического охлаждения между Россией и Испанией, которое во второй раз в истории отношений двух стран было связано с вопросом признания официальных прав на престол или на титул²⁴.

Потомок древнего княжеского рода, М.А. Голицын относился к самой вельможной ветви Голицыных – Михайловичам. Воспитание он получил в Париже, где жил с отцом и братом Федором. В 1821 г. после смерти отца он вместе с братом вернулся в Россию под опеку дяди, князя С.М. Голицына (1774 – 1859). После смерти дяди по его завещанию он стал почетным главным директором московской Голицынской больницы²⁵.

Михаил Голицын начал дипломатическую службу во Флоренции в 1824 г., а в 1836 г. был переведен в Рим, но находился там недолго – в том же году он был уволен со службы. В Италии он начал собирать коллекцию картин и уникальных вещей, а также прославился как известный библиофил, сформировавший богатую библиотеку редчайших старопечатных книг²⁶.

В 1856 г. Голицын вернулся на службу в министерство иностранных дел и был назначен посланником в Испанию. В выданной ему инструкции предписывалось придерживаться нейтралитета по отношению к испано-американскому конфликту из-за Кубы, а также подчеркивалось, что, поскольку Россия в 1851 г. поддержала Испанию в

²² Ibid., p. 289.

²³ Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1917. Т. 2. 1800 – 1917. М., 1997, с. 163.

²⁴ В первый раз дипломатические отношения по этой причине были заморожены в 1730 г., когда испанский король Филипп V отказался признать императорский титул российской государыни Елизаветы Петровны. – *Волосюк О.В.* Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений. М., 2011.

²⁵ В настоящее время это Голицынский корпус Первой градской клинической больницы.

²⁶ Свои книги вместе с коллекцией картин, принадлежавшей нескольким поколениям семьи, он превратил в доступный для всех Голицынский музей, который в 1865 г. в своем доме на Волхонке, 14 открыл его сын, князь Сергей Голицын (1843 – 1915). В этом, одном из первых музеев западного искусства в России находилось более 200 полотен итальянских, французских, фламандских, голландских, немецких, австрийских и русских живописцев. Всего музей насчитывал около 700 экспонатов. Библиотека музея состояла более чем из 20 тыс. томов. Голицын завещал коллекцию Москве, но финансовые трудности Голицынской больницы вынудили Сергея Голицына в 1886 г. принять решение о продаже всего собрания. Коллекция музея была приобретена для Эрмитажа за 800 тыс. рублей. (*Голицын Н.Н.* Род князей Голицыных. СПб., 1892, с. 171–172, 279, 280.) В 1920–1930-е годы около 50 картин были переданы объединению “Антиквариат”, а небольшая часть произведений попала в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Некоторые полотна вскоре вернулись в Эрмитаж и в 1940–1960-е годы были переданы в разные музеи СССР. Лучшие экспонаты бывшего Голицынского музея остались в Эрмитаже. Исключение составляет только проданный в 1931 г. в американскую Национальную галерею триптих Пьетро Перуджино “Распятие с предстоящими”.

колониальном вопросе²⁷, то в ответ Испания сохраняла нейтралитет в годы Крымской войны. Принцип невмешательства, которым должен был руководствоваться Голицын, определял позицию российской дипломатии в Испании вплоть до 1917 г.²⁸

Постепенно идея союза с Россией, который, по мнению Нарваэса, мог бы освободить Испанию от излишне навязчивого внимания Франции и Англии, сошла на нет. После того как в 1856 г. правительство Испании возглавил Леопольдо О'Доннель, испанская внешняя политика вновь полностью переориентировалась на Францию и о возможном альянсе с Россией уже не вспоминали.

Между тем в Петербурге в ранге посланника оставался герцог де Осуна – личность достойная того, чтобы сказать о нем несколько слов. Когда Осуна прибыл в Россию, ему было 42 года. До начала дипломатической службы он сделал успешную военную карьеру, начав ее с восшествием на престол Изабеллы и яростно сражаясь против карлистов до 1838 г. Затем его в составе испанской делегации направили на коронацию английской королевы Виктории²⁹. В 1844 г. умер его старший брат, и он не только стал 12-м герцогом де Осуна и 15-м герцогом Инфантадо, но наследовал еще 12 герцогских титулов, 2 графских, 4 титула маркиза и 20 титулов испанского гранда. Молодой герцог оказался владельцем замков и огромных земельных угодий в Севилье, Гвадалахаре и Эстремадуре, принадлежавших семье. В Испании говорили, что де Осуна может пересечь половину страны, не покидая собственных земель³⁰. Он был почетным членом Королевской академии изящных искусств Сан Фернандо, членом Академии истории, состоял в различных научных обществах и являлся почетным президентом Института Африки в Париже. В 1853 г. де Осуна представлял Испанию на свадьбе Наполеона III и герцогини Монтихо, а в 1856 г. прибыл в Петербург, где прожил 12 лет, окружив себя сказочной роскошью.

В своих донесениях в Мадрид де Осуна информировал испанский двор о ситуации в России, о реформе крепостного права, земской и военной реформах. Что касается внешней политики, то он уделял внимание балканскому вопросу, проблемам объединения Италии, освоению Россией азиатских земель, продаже ею Аляски. В 1860 г. он часто и подробно писал о позиции России по поводу болезненной для Испании проблемы Кубы, а в 1863 г. разъяснял причины охлаждения отношений между Францией и Россией из-за польского вопроса. Поскольку Испания оказывалась все в большей зависимости от внешнеполитических авантур Наполеона III, в донесениях Осуны особое внимание уделялось Франции, а все внешнеполитические инициативы Петербурга оценивались в контексте его отношений с Парижем³¹.

Пока Осуна находился в Петербурге, в Испании обстановка накалялась все больше и больше. Поражение революции 1854–1856 гг., отставка правительства Эспартеро усилили неустойчивость политического режима, еще больше углубили пропасть между левым флангом испанского политического фронта и окружением королевы, которое занимало все более консервативные позиции. За 12 лет, прошедших с окончания революции 1854–1856 гг., в стране сменилось 12 кабинетов министров, партийные коалиции были неустойчивы, политика, которую они проводили, нерезультативна. В стране все

²⁷ В 1840-е годы на Кубе возникло движение за освобождение от Испании и присоединение острова к США, активно поддержанное плантаторами южных американских штатов. С 1849 по 1851 г. один из лидеров кубинского аннексионистского движения Н. Лопес с территории США предпринял четыре попытки совершить мятеж на Кубе, две из которых предотвратило правительство США, не желавшее в тот момент осложнять отношения с Испанией из-за вооруженного захвата Кубы, а две другие пресекли находившиеся на острове испанские солдаты. – *Ивкина Л.А.* Десятилетняя война за независимость на Кубе. 1868–1878. М., 2007.

²⁸ Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1917, т. 2, с. 165–169.

²⁹ *Oliván F.* El duque de Osuna, Embajador en Rusia. Madrid, 1949, p. 73–184.

³⁰ *Marichalar A.* Riesgo y ventura del Duque de Osuna. Madrid, 1999.

³¹ *Петрова А.А.* Россия 1858–1868 гг. в донесениях испанского дипломата герцога де Осуны. – История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2008, с. 416–425.

чаще и чаще стали звучать призывы к свержению монархии, к низложению Изабеллы. В результате те, кто 30 лет назад военным и политическим путем посадил Изабеллу на трон, теперь готовы были стать могильщиками ее режима.

В Мадриде одна за другой проходили демонстрации горожан, рабочих, студентов. В январе 1866 г. и в августе 1867 г. один из популярных испанских генералов Хуан Прим пытался организовать вооруженный мятеж. Наконец, 18 сентября 1868 г. против королевы и ее правительства выступил военный флот. Восстание флота нашло широкий отклик – в течение нескольких дней волнения охватили всю Испанию. “Славная революция” привела к отречению Изабеллы, которая бежала во Францию.

В это время российский император находился на водах в Бад-Киссингене, а канцлер Горчаков проводил отпуск в Италии, Швейцарии и Германии. Поэтому, когда испанский поверенный в делах Э. де Муруага обратился к замещавшему Горчакова В.И. Вестману с вопросом о позиции России, вразумительного ответа он не получил³².

Внешняя политика Горчакова основывалась на принципе “сердечного согласия” с Пруссией, и поэтому до встречи Александра II и прусского короля Вильгельма I 27 сентября в Потсдаме российского решения по испанскому вопросу просто не существовало. Бисмарк, “вершитель прусской политики”, отсутствовал на встрече, но готов был поддержать переворот в Испании, поскольку гипотетически это могло отвлечь внимание Наполеона III и ослабить его агрессивную риторику в отношении Пруссии.

Вильгельм I предписал своему послу в Мадриде переждать “смутные времена”, уехав из Испании в отпуск. Российскому посланнику князю А.Н. Волконскому Александром II тоже велено было покинуть Мадрид и отправиться во Францию, оставив временным поверенным И.П. Колошина, которому наказали на время прервать переписку с новым правительством и ограничиться информацией о событиях в стране³³.

Изменение позиции Петербурга могло зависеть только от действий Наполеона III. Если события в Испании, рассуждал Горчаков, не выйдут за пределы страны, но приведут к ослаблению напряженности между Францией и Пруссией, то Россия поддержит новое правительство. Если же Наполеон вмешается в испанские дела, то Петербург и Берлин объединятся против французов. Хотя предпочтительнее, считал он, чтобы Россия сохранила нейтралитет и не вмешивалась в испанские события. Мирная передышка в Европе давала России возможность сосредоточиться на внутренних делах, довести до конца социальные, экономические и административные реформы, начатые Александром II, завершить строительство железных дорог, активизировать освоение азиатских земель.

11 октября 1868 г. Х. Альварес де Лоренсана, виконт де Баррантес, направил дипломатическому корпусу ноту о создании в Испании правительства и о своем назначении министром иностранных дел. В ответных нотах не было сказано ни слова о признании этого правительства – лишь уведомление о получении. Это не устроило Лоренсану, и 19 октября он отправил своим представителям в Европе рескрипты с требованием добиться от монархов определенного ответа. Франция, Англия, Бельгия, Португалия и Италия известили, что они оставляют в Мадриде своих представителей. Вскоре в Испанию вернулись дипломаты Австрии и Пруссии. Правительство России обязало своего посланника ожидать особых указаний³⁴, тем самым продемонстрировав явную холодность к испанскому перевороту и сведя отношения с Мадридом до уровня формальных – официозных. На просьбу о помощи, которую Изабелла отправила европейским монархам из города По 30 сентября 1868 г., российский император даже не ответил, однако летом 1870 г., находясь вместе с Горчаковым в Эмсе, категорически отказал в аудиенции карлистскому генералу Р. Кабре³⁵.

³² *Álvarez Gutiérrez L.* Actitud del régimen zarista y de la prensa rusa ante la revolución española de 1868. – *Hispania*, v. 46, № 164, 1986, p. 553.

³³ *Ibid.*, p. 552, 560–561.

³⁴ *Ibid.*, p. 563–567.

³⁵ *Ibid.*, p. 568; *Espadas Burgos M.* Dos embajadas extraordinarias en Rusia: la del duque de Osuna (1856) y la del duque de Montpensier (1883). – *Estudios históricos: Homenaje a los profesores José Mª Jover Zamora y Vicente Palacio Atard*, v. 1, 1990, p. 357.

Испанского поверенного в делах Муруагу все это время очень любезно принимали в Петербурге, однако никаких официальных обещаний Горчаков ему не давал³⁶. Только когда испанские кортесы в ноябре 1870 г. избрали на престол короля Амадея I, Александр II направил к нему своего посланника Х.Е. Кудрявского, которого, правда, сразу же и отозвал, когда в Мадриде в феврале 1873 г. Амадея вынудили отречься от престола и в Испании была провозглашена Первая республика.

31 декабря 1874 г. глава нового испанского правительства А. Кановас дель Кастильо известил европейские государства о восшествии на престол Альфонса XII, сына Изабеллы II. “Близость к Франции, – писал незадолго до этого Горчаков Александру II, – влияние, которое эти две соседние страны могут оказывать друг на друга; отношение Германии к этой Пиренейской стране, которая в зависимости от обстоятельств может оказаться ее союзником или противником, придает сегодня Испании определенный политический вес”³⁷. Россия стала первой европейской державой, которая признала нового государя и вернула в Мадрид своего посланника Кудрявского. В ответ Альфонс XII в марте 1875 г. издал декрет о возведении российской миссии в Испании в ранг посольства³⁸.

Вступление на престол сына Изабеллы II вновь всколыхнуло карлистов. Дон Карлос, начав войну еще в 1872 г., к моменту воцарения Альфонса захватил обширную территорию на северо-востоке страны. Испанский король выразил надежду на вмешательство европейских монархов. Его призыв поддержала Португалия, которой импонировала идея совместного выступления Германии и России против дона Карлоса. Германия, чьи отношения с Францией были на грани разрыва, готова была пойти на вмешательство, но Александр II во время встречи с Вильгельмом I в июне 1875 г. категорически отказался выступить против Франции, и вопрос был исчерпан.

К концу 1875 г. Альфонсу удалось выдвить карлистов с территории Испании. В 1876 г. дон Карлос бежал во Францию, а в 1877 г. объявился в России, где был принят Александром II. Ему предоставили возможность познакомиться с русской армией, готовившейся к русско-турецкой войне, но дальше любезностей дело не пошло³⁹.

Не успел Альфонс XII разобраться с карлистами, как разгорелся еще один давно тлевший конфликт – война за независимость на Кубе, вместе с Пуэрто-Рико являвшейся одной из двух последних колоний Испании в Новом Свете. Начавшиеся еще в 1868 г. события на Кубе принимали угрожающий характер. Военные действия наносили существенный ущерб американским интересам на этом острове. Правительство США предложило Испании свое посредничество в урегулировании конфликта, угрожая в случае отказа признать независимость острова.

В декабре 1875 г. миссия США в Петербурге вручила Горчакову ноту о событиях на Кубе. Российский канцлер заявил, что он будет придерживаться нейтралитета, что этот вопрос касается только США и Испании, но обещал довести до сведения испанского двора рекомендацию удовлетворить те претензии США, которые окажутся обоснованными. Это было сделано через Кудрявского, и вскоре конфликт был улажен⁴⁰.

В 1877 г. Россия начала войну с Турцией. Теперь Испании представилась возможность заявить о своем нейтралитете. Но, в сущности, Мадрид, рассчитывавший в случае раздела Османской империи получить Марокко и укрепиться в Гибралтаре, поддержал позицию Петербурга⁴¹.

³⁶ *Álvarez Gutiérrez L.* Actitud del régimen zarista..., p. 570–576.

³⁷ Цит. по: *Бухармедова Л.М.* Россия и Испания в годы правления Альфонса XII (по материалам АВГПР). – Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 1995, с. 129.

³⁸ Там же, с. 130.

³⁹ Там же, с. 130–131.

⁴⁰ *Ивкина Л.А.* Указ. соч.; *Бухармедова Л.М.* Россия и Испания..., с. 131–132; *Álvarez Gutiérrez L.* La diplomacia bismarckiana ante la cuestion cubana, 1868–1874. Madrid, 1988, p. 76–77.

⁴¹ *Бухармедова Л.М.* Россия и Испания..., с. 132–133.

В эти же годы был подписан ряд важных двусторонних соглашений. По консульской конвенции, заключенной в феврале 1876 г., Испания и Россия получали право взаимного назначения своих консулов в портах и торговых городах, были определены права и обязанности этих консулов, а купцы двух стран имели теперь торговые привилегии. В июне того же года была заключена испано-русская конвенция о наследствах, затем – конвенция о взаимной выдаче преступников⁴².

В декабре 1878 г. в Мадриде скончался Х.Е. Кудрявский, и российским посланником был назначен М.А. Горчаков, сын российского канцлера. Он родился в Москве, но детство провел в Штутгарте, куда в 1841 г. отец был назначен посланником. Мать умерла в 1853 г., и последующие годы Михаил и его брат Константин жили с отцом, с 1854 по 1856 г. служившим посланником в Вене, а в 1856 г. ставшим министром иностранных дел России. Михаилу было тогда 16 лет. Он пошел по стопам отца и начал дипломатическую карьеру: в 1872–1878 гг. занимал пост посланника в Швейцарии, в 1878–1879 гг. – в Саксонии, а затем – в Испании, где пробыл 17 лет, с 1879 по 1896 г.⁴³

В инструкции, врученной ему перед отъездом в Испанию, подчеркивалось, что “при отсутствии разногласий между обеими странами им скорее суждено иметь одних друзей и одних врагов. Несмотря на отдаленность Испании, она может в качестве морской и средиземноморской державы оказаться в сфере наших политических комбинаций и как их важнейший элемент”⁴⁴.

На официальной церемонии вручения верительных грамот Альфонс XII выразил удовлетворение, что Россию при его дворе будет представлять сын русского канцлера. Еще 20 ноября 1875 г. канцлер Горчаков был удостоен титула испанского гранда первого класса с правом передачи его по наследству. Александр II дозволил своему министру принять этот титул. Теперь по наследству он должен был достаться Михаилу. Ему следовало получить патент о наследовании титула и пройти церемонию посвящения в испанские гранды. М.А. Горчаков оказался в довольно щекотливом положении, поскольку находился в Мадриде в качестве иностранного дипломатического представителя. Чтобы разъяснить ситуацию, он сообщал в Петербург, что церемония посвящения не предусматривает ни присяги на верность королю, ни каких-либо обязательств, связанных с необходимостью исповедания католической веры. “Как видите, – писал он заместителю министра иностранных дел Н.К. Гирсу, – во всем этом нет ничего, что могло бы затронуть то официальное положение, которое я занимаю в Мадриде”⁴⁵.

1 марта 1881 г. в Петербурге был убит Александр II. Новый российский император Александр III сменил внешнеполитический курс и назначил нового министра иностранных дел. Горчаков с его прогерманской ориентацией оказался не у дел – Россия стала активно сближаться с Францией. Александр III все больше сосредоточивался на внутренней политике. Как писал из Петербурга испанский посланник маркиз де Кампосаградо, “несмотря на многие меры предосторожности, принимаемые ради его (Александра III. – *О.В.*) безопасности, опасность, которой он подвергается, продолжает оставаться большой... Они (нигилисты. – *О.В.*) все-таки действуют, что подтверждают частые разговоры о революционных прокламациях, которые распространяют нигилисты и собирает полиция, а также об арестах лиц, имеющих отношение к акциям нигилистов”⁴⁶.

Испанская политика отошла для России на второй план, и такое положение сохранялось вплоть до середины 1890-х годов, когда миссии двух стран в 1896 г. были

⁴² Цит. по: там же, с. 135–136.

⁴³ Михаил Александрович Горчаков. – <http://www.rusdiplomats.narod.ru/gorchakov-ma.html>

⁴⁴ Цит. по: *Бухармедова Л.М.* Русско-испанские отношения во времена российского посланника в Испании Михаила Горчакова (1879–1896). – Россия – Испания – Иberoамерика. Перекрестный год сотрудничества. М., 2011, с. 51.

⁴⁵ Цит. по: *Бухармедова Л.М.* Русско-испанские отношения..., с. 54. М.А. Горчаков стал грандом Испании первого класса с 29 декабря 1883 г., после смерти отца.

⁴⁶ Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1917, т. 2, с. 260.

возведены в ранг посольств, а в Испанию в 1897 г. прибыл новый российский посол Д.Е. Шевич. Он обладал колоссальным дипломатическим опытом. Начав службу в министерстве иностранных дел России в 1860 г., Шевич с 1886 г. занимал пост посланника в Японии, а с 1892 г. – в Португалии. В Испании он прослужил с 9 февраля 1896 до 1905 г.⁴⁷

Следует отметить, что, находясь в Японии, Шевич стал первым из российских официальных лиц, кому пришлось столкнуться с открытой вспышкой агрессии местного населения, когда в ноябре 1890 г., накануне открытия первой сессии японского парламента, разъяренная толпа, бросая камни, пыталась взять штурмом здание российского посольства⁴⁸. А полгода спустя произошел еще один очень неприятный инцидент, связанный с путешествием на Восток наследника российского престола, будущего императора Николая II. В последний момент в его программу было включено посещение Японии – для участия цесаревича в освящении православного собора в Токио, строительство которого как раз завершалось. Хорошо знакомый с местными порядками Шевич возражал против визита Николая в Японию, поскольку сомневался в способности японских властей должным образом организовать охрану высокого гостя. Однако его доводы были отвергнуты, и Николай Александрович прибыл в Японию.

29 апреля 1891 г. в городе Оцу наследник российского престола был ранен японским полицейским, входившим в состав патруля, обеспечивавшего безопасность визита. Легко раненому Николаю немедленно оказали первую помощь, а затем отправили в дом губернатора. Весь путь до резиденции губернатора – более получаса – российский посланник проделал бегом, прикрывая своим телом одну из дверей коляски с наследником российского престола, дабы избежать вторичного покушения. С другой стороны бежал гувернер царевича князь Барятинский. На следующее утро из Токио прибыл с личными извинениями император Японии. Его принял Шевич и первым выслушал слова императорского соболезнования. Александр III приказал наследнику немедленно возвращаться в Россию. Визит был прерван, и в Токио Николай не попал⁴⁹.

В Испании деятельность Шевича по сути состояла в том, чтобы следить за развитием испано-американского конфликта из-за Кубы. Испанское правительство пыталось привлечь великие державы, в том числе и Россию, для урегулирования этого спора, но из Петербурга Шевичу были даны строгие указания Россию в конфликт не вмешивать. Петербург не желал портить отношения с Америкой, так как полагал, что усиление США на Тихом океане ограничит там экспансионистскую политику двух основных соперников России – Англии и Японии. Участие России в испано-американских делах ограничилось подготовкой коллективной ноты великих держав, составленной по просьбе испанской королевы и призывавшей США к мирному урегулированию конфликта⁵⁰.

Мадрид, по мнению Шевича, занимал позицию “пассивного выжидания”, рассчитывая, что державы, которые “навязывали Испании перед войной свои советы”, возьмут на себя ответственность и принудят США пойти на “почетный для Испании мир”. Этим, объяснял Шевич, характеризовалась и обстановка в самой стране, где ощущение безысходности проявлялось по-разному: от полнейшего равнодушия до безудержного

⁴⁷ Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897, с. 1243.

⁴⁸ В японском обществе в 1880-е годы началось движение против чрезмерного увлечения всем иностранным, слепого поклонения западным идеалам и обычаям и презрения ко всему своему. Это движение приняло широкие размеры и стало сказываться резким отчуждением и холодностью высших, образованных классов Японии по отношению к иностранцам вообще. В 1889–1890 гг. подходил срок продлевать трактаты по сотрудничеству и торговле между Японией и другими странами. “Теперь, при мысли, что вся страна безданным-беспощинно, так сказать, будет открыта этим иностранцам, японским обществом овладела вдруг паника”, – писал русский исследователь (*Червяков В.* Из новейшей истории Японии. – Вестник Европы, 1894, № 12, с. 521–522). Всплески ксенофобских настроений имели место по всей Японии.

⁴⁹ Дмитрий Егорович Шевич. – <http://www.rusdiplomats.narod.ru/shevich-de.html>

⁵⁰ Моралес О. Позиция российской дипломатии по отношению к испано-американскому конфликту из-за Кубы 1898 г. – Вестник РУДН. 1998. М., 1998, с. 119.

веселья. “Фатализм и апатия начинают царить в Испании по мере того, как становится безвыходным ее положение. Общество привыкает к войне, как оно привыкло, было, к восстаниям в колониях, благодаря, вероятно, тому, что все это происходит за морями. Гул бомбардировок, по-видимому, не достигает Мадрида, жители коего продолжают веселиться в театрах и на боях быков, будто ни в чем не бывало, причем единственными ощутительными признаками ненормального состояния являются возрастающая дороговизна, недостаток в обороте серебряной монеты и некоторое усугубление обычного недоброжелательства испанцев к иностранцам”, – писал он в донесении министру иностранных дел М.Н. Муравьеву⁵¹.

Подобная беспечность в политике, дополненная явным военным преобладанием в Карибском регионе Соединенных Штатов, закончилась для Испании плачевно: она проиграла войну и потеряла Кубу.

Россия в испано-американском конфликте выдержала строгий нейтралитет: ее внешнеполитические интересы были далеки от Карибского региона, а отношения с США требовали аккуратности и осторожности.

Отношения между Россией и Испанией в течение всей второй половины XIX в. тоже можно охарактеризовать как стабильный нейтралитет. Геополитические задачи двух стран не перекрывались географическим положением, поэтому между ними не существовало каких-либо серьезных противоречий. “Удаленность Московии от наших владений разделяет взаимные интересы обеих монархий”, – отмечал еще испанский король Карл III, направляя в 1761 г. в Петербург своего посланника герцога де Альмодовара⁵². Этот же принцип продолжал действовать в отношениях двух стран и почти через 150 лет.

⁵¹ Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1917, т. 2, с. 290, 291.

⁵² Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1917. Т. 1. 1667–1799. М., 1991, с. 165.